

Вакилев Тимур Рамилевич

ассистент кафедры истории отечества,
государства и права
Пензенского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЙ И ИМУЩЕСТВЕННЫЙ
ПОРТРЕТЫ МЕСТНОГО
ЧИНОВНИЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО ДАННЫМ
ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация:

Российская империя оставила исследователям материал, свидетельствующий о социальной, имущественной и карьерной характеристиках местного чиновничества. Это выражается в составлении и учете так называемых послужных или формулярных списков – важнейших документов дореволюционной России, наиболее полно отражающих количественно-качественные показатели бюрократии или, иными словами, кадрового потенциала правительства. Актуальность данной темы очевидна, поскольку государство, как аппарат управления, перманентно сталкивается с кадровыми проблемами, и практика прошлых веков является тем драгоценным багажом, который позволит избежать возможных ошибок и упущения в будущем.

Ключевые слова:

чиновничество, формулярный список, канцелярия, губерния, сословие, жалование, награда, имущество.

Vakilev Timur Ramilevich

Assistant of the National History,
State and Law Department,
Penza State University
dom-hors@mail.ru

**SOCIAL AND MATERIAL IMAGES OF
THE LOCAL OFFICIALS
IN THE SECOND HALF OF
THE 19TH CENTURY (CASE STUDY OF
THE SERVICE RECORDS OF
THE PENZA PROVINCE)**

Summary:

The Russian Empire collected some data to be researched, which describe social, material and career features of the local officials. The data is expressed in compiling and registration of the so called service records, or official lists, which were the major records in the pre-Revolutionary Russia. The service records reflected the qualitative and quantitative bureaucracy showings, or, in other words, the human resources of the government. The relevance of the study is determined by the fact, that the government, as a managerial board, faces constantly the human resources problems, and the historical experience is a valuable knowledge that allows to avoid the possible mistakes and oversights in future.

Keywords:

officialdom, service record (official list), office, province, estate, salary, reward, property.

Анализ формулярных списков служащих различных присутственных мест местной администрации позволяет составить примерный портрет чиновника середины XIX в., описать его социальный статус и материальную обеспеченность. Рассмотреть чиновничество предлагается по следующим пунктам: чин, происхождение, награды и поощрения, имущество и достаток. Говоря о чиновничестве, мы используем это понятие в широком понимании – все служащие, как с чином (непосредственно чиновники), так и канцелярские служители, находящиеся вне Табели о рангах. Фигуры гражданского губернатора, вице-губернатора и губернского прокурора не рассматривались, поскольку они особо выделяются из состава местного чиновничества, стоят особняком и потому заслуживают отдельного внимания.

В ходе исследования были проанализированы 9 формуляров, охватывающих период с 1825 по 1854 г. Определенные трудности были связаны с тем, что не все документы содержат исчерпывающую информацию, поэтому были выбраны упомянутые 9 списков, как наиболее точные и хорошо сохранившиеся. Рассматривались формуляры служащих Пензенского губернского правления, Канцелярии губернатора и направляемые в эти учреждения послужные списки чиновников различных мест: уездные и земский суды, различные палаты, полиция.

Рассмотрим состав местной бюрократии Пензенской губернии с точки зрения классов чинов. Чин 5-го класса – статский советник – был обнаружен только у двух персон. В первом случае он принадлежал советнику губернатора в губернском правлении, должность весьма привилегированная [1]. Во втором – Городищенскому уездному предводителю дворянства, произведенного в данный чин «за отличие» [2]. Специфика чиновничества выше 6-го класса такова, что продвижение идет не за счет выслуги лет и протекции начальства. Каждый чин, начиная со статского советника, присваивается лично Государем. Учитывая сказанное, можно сделать вывод: на уровне губернии для основной массы чиновничества, чин выше 6-го класса – большая редкость, если не исключение. Это некий потолок для служащего в провинции. Дан-

ный вывод, сделанный на основе материалов Государственного архива Пензенской области, подтверждается и другими исследователями в ряде губерний [3, с. 249; 4, с. 181–182].

Суммируя графы о происхождении служащих за период 1825–1855 гг., можно составить общую таблицу тех сословных страт, к которым относились чиновники Пензенской губернии (таблица 1).

Таблица 1 – Сословная принадлежность чиновников Пензенской губернии

1. Из дворян
2. Из обер-офицерских детей
3. Из духовного звания, дети священнослужителей
4. Дьяконские дети
5. Из подьячих детей
6. Из приказнослужащих, из детей канцелярских служителей
7. Из отпущенников
8. Из придворнослужащих
9. Из вольноопределяющихся
10. Из иностранцев
11. Из однодворцев
12. Из солдатских детей
13. Из воспитанников свободного звания
14. Из купцов
15. Из личных дворян

Итого насчитывается 15 весьма узконаправленных социальных страт, выходцы из которых шли в статскую службу. В процентном отношении безусловными лидерами являются первые 3 пункта: это выходцы из дворян, из обер-офицерских детей и из духовного звания. По тем данным, которые были обработаны (не все формуляры содержат сведения о происхождении), можно сделать следующие приблизительные расчеты:

- из дворян (в том числе и личных) – около 40 % служащих;
- из духовного звания (включая дьяконских детей) – около 25 %;
- из обер-офицерских детей – около 20 %.

Если объединить выходцев из подьячих детей, из приказнослужащих и детей канцелярских служителей, как социально близких и принадлежавших в целом гражданскому служилому сословию, то они составят 8–9 %. Непосредственно же дети именно канцелярских служителей в формулярах впервые появляются во второй половине 1840-х гг. [5]. То есть это уже второе поколение служащих: молодые люди 20–22 лет, чьи отцы начинали служить в 1810–1820-х гг. Представители остальных групп составляют менее 1 %.

Похожая картина наблюдалась в ряде других губерний и городов. Так в Курской губернии социальный состав чиновничества в 1855–1861-х гг. выглядел следующим образом: дворян – 50 %, из церковнослужителей – 20 %, из обер-офицерских детей – 11 %, из чиновников и канцеляристов – 12 % [6]. В Калужской губернии в губернских и уездных присутственных местах доля дворян составляла примерно 30 %, а по отдельным учреждениям достигала 56 % (Управление путей сообщения и публичных зданий). В московской губернской администрации процент дворян достигал 37,4 %, а по ряду министерств – до 45 % (МВД) [7, с. 75]. В столице к середине 1840-х гг. доля дворян в аппарате городского управления достигает 26 %, обер-офицерских детей – 31 %, выходцев из духовного звания – 13 % и детей мелких служителей – 11,6 % [8]. Проценты разнятся по регионам и годам, но в целом по представленным регионам европейской части страны порядок соотношения схож.

Так или иначе, все 3 указанных сословия присутствуют на всех «этажах» местной администрации. Выходцы из дворян встречаются даже среди копиистов и писцов, – это свидетельствует о том, что вопреки широко распространенному мнению якобы о нежелании благородного сословия идти в статскую, менее почетную, чем военную, службу, дворяне в значительном числе все же присутствуют на всех уровнях чиновничества, включая и низший.

Данные об образовании служащих присутственных мест крайне скупы. Отметка делалась только в том случае, если чиновник окончил какое-либо учебное заведение, а поскольку большинство получало домашнее образование, то как широко распространенная норма оно не указывалось. В просмотренных формулярах удалось выделить 4 учебных заведения, оконченных служащими: Пензенская духовная семинария (5 чиновников), Пензенское главное народное училище (1 чел.), Московский университет (2 служащих) и Казанский университет (1 студент). Как видно из количества служащих, получивших систематическое недомашнее образование, доля их среди остального чиновничества ничтожна. Это вовсе не свидетельствует о тотальной невежественности

бюрократии того времени, но факт остается фактом – практика получения высшего или среднего специального образования только начинала распространяться в рядах чиновничества.

Имущество и доход служащих дореформенной России добавляют важные детали в общую картину жизни бюрократии николаевской эпохи. Основные виды движимого и недвижимого имущества составляли: крепостные или дворовые люди; земли, пашни и леса; деревянные и каменные дома. Реже встречается факт владения каким-нибудь заводом. Размер имущества мог существенно различаться. Некоторые чиновники из дворян владели лишь несколькими крепостными. Часто они вообще не имели имущества и официально существовали только на жалование. Но встречаются персоны, владевшие сотнями и тысячами душ (порой в разных губерниях), сотнями десятин земель, пашни, лесов, имениями. Такие настоящие помещики жалования, как правило, не получали, но, тем не менее служили, то есть связывали свою судьбу с карьерой на статском поприще. Доля собственников того или иного имущества среди всех чиновников не велика, в среднем ее границы 15–25 %. Схожие данные приводит в своей работе С.А. Шарапова для Петербурга: 20 % и 30 % собственников среди чиновников для 1833 и 1840 г. соответственно [9].

Основная же часть местной бюрократии официально существовала на жалование. Довольно четко выделяется административная верхушка. Группа это немногочисленна, должности ее представителей почетны и привилегированные по губернским меркам. К этому слою можно отнести такие должности, например, как правитель Канцелярии губернатора, чиновники особых поручений при губернаторе, советники губернатора в губернском правлении, земские и уездные судьи, городничие и пензенский полицмейстер, уездный врач. В основном это лица в чинах 9–8-х классов, но встречаются и статские советники. Размер их дохода внутри этой группы различается, в среднем это 400–600 руб. в год [10], хотя есть суммы и в 1 200 руб. [11].

Средний слой, исходя из достатка, составляли чиновники самых разных ведомств. Это наиболее пестрая публика, границы данной группы размыты сильнее. Сюда можно отнести и ветеринарного врача, землемера, секретаря думы, бухгалтера строительной комиссии, письмоводителя при уездном предводителе, заседателей и секретарей судов, чиновников Палаты Государственных имуществ, пристава и квартального надзирателя полиции и т.д. В Канцелярии губернатора и губернском правлении это среднее звено служащих: писцы, канцеляристы, секретари, столоначальники с помощниками, регистраторы. Как правило, это чиновники в 14–9-х классах, хотя встречаются обладатели и 8-го класса, или вовсе стоящие ниже таблицы. Размер их дохода составлял примерно 120 руб. для писцов и канцелярских служителей и 280–320 руб. для ветеринара или бухгалтера [12].

Наконец, третья, самая малооплачиваемая группа. Ее границы более отчетливы, по сравнению со средним слоем служащих. Исходя из размера дохода, к данной категории можно отнести рядовых пожарной и полицейской команды, фонарщиков, станционных смотрителей, писцов и протоколистов уездных присутственных мест. Эти лица обладали в лучшем случае чином 14–12-го класса, а большинстве случаев чинов вовсе не имели. Размер их дохода самый низкий и составлял от 12 до 42 руб. Остается предположить, что их род деятельности являлся не единственным, – существовали иные способы существования [13]. Следует отметить, что размер жалования чиновников одного порядка мог сильно различаться в зависимости от места их службы. Так в Канцелярии губернатора жалование было традиционно выше, чем в остальных присутственных местах, особенно уездных. Даже низшее звено служащих Канцелярии – писцы различных разрядов, регистраторы – в середине 1850-х гг. имели доход в 140–170 руб. В то время как эти же категории служащих в уездах нередко получали всего 50–70 руб. [14; 15].

В.А. Иванов в своей работе со ссылкой на Калужские губернские ведомости, приводит следующие данные: в середине XIX в. в провинции прожиточный минимум для холостого чиновника составлял 125 руб. в год; для семейного, имевшего не более 4-х детей – 200 руб.; в столице 300 и 480–500 руб. соответственно [16, с. 124]. Это же отмечает и П.А. Зайончковский [17, с. 83]. Если отталкиваться от приведенных данных, то применительно к Пензенской губернии следует согласиться с выводом В.А. Иванова о том, что доход более половины местного чиновничества не соответствовал существующему прожиточному минимуму. Служащие были вынуждены либо искать заработки на стороне, либо прибегать к служебным злоупотреблениям. Такую картину дает анализ имущественного и материального положения местной бюрократии.

В целом остается добавить, что приведенные данные позволяют говорить о том, что выступая как более или менее единая, относительно сплоченная корпорация (или суперкорпорация), чиновничество внутри своей структуры было далеко не однородным. Отличия в социальной и сословной принадлежности, разница в имущественном положении, наличие или отсутствие наград и заслуг дробят внешне единый класс чиновничества. Внутри самой местной бюрократии более или менее отчетливо вырисовываются различные группы, слои, окружения тесно и не совсем взаимодействующие друг с другом и проникающие друг в друга.

Ссылки:

1. Государственный архив Пензенской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2124.
2. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2451.
3. Шарапова С.А. Формулярные списки чиновников городского управления Петербурга 30–40-х гг. XIX в. как исторический источник // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53.
4. Токмакова Ю.Н., Авилова Н.Л. Социальный состав, возраст и религиозная принадлежность чиновников Курской губернии в 1801–1861 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37).
5. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2797; Ф. 6. Оп. 1. Д. 2414.
6. Токмакова Ю.Н., Авилова Н.Л. Указ. соч. С. 182.
7. Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология, экономика, информатика». 2009. Т. 56. № 9.
8. Шарапова С.А. Указ. соч. С. 248.
9. Там же. С. 249.
10. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2914, 3123.
11. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2434. Л. 7.
12. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2411. Л. 4.
13. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2434. Л. 7.
14. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3004.
15. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3005.
16. Иванов В.А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) // Власть. 2012. № 8.
17. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

References:

1. *State Archive of the Penza region, f. 6, op. 1, d. 2124.*
2. GAPO, f. 6, op. 1, d. 2451.
3. Sharapova, SA 2007, 'Formulary lists municipal government officials Petersburg 30-40-ies. XIX century. as a historical source', *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. Al Herzen*, vol. 22, no. 53.
4. Tokmakova, YN & Avilova, NL 2011, 'Social composition, age and religious affiliation of officials in the province of Kursk 1801-1861 gg.', *Proceedings of the Southwestern State University*, no. 4 (37).
5. GAPO, f. 5, op. 1, d. 2797; f. 6, op. 1, d. 2414.
6. Tokmakova, YN & Avilova, NL 2011, 'Social composition, age and religious affiliation of officials in the province of Kursk 1801-1861 gg.', *Proceedings of the Southwestern State University*, no. 4 (37), p. 182.
7. Ivanov, VA 2009, 'The social composition of the local level of management personnel Russia in the middle of the XIX century as a reflection of government policy on the formation of bureaucracy', *Scientific statements Belgorod State versity. Series "History, Political Science, Economics, Computer Science"*, vol. 56, no. 9.
8. Sharapova, SA 2007, 'Formulary lists municipal government officials Petersburg 30-40-ies. XIX century. as a historical source', *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. Al Herzen*, vol. 22, no. 53, p. 248.
9. Sharapova, SA 2007, 'Formulary lists municipal government officials Petersburg 30-40-ies. XIX century. as a historical source', *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. Al Herzen*, vol. 22, no. 53, p. 249.
10. GAPO, f. 5, op. 1, ad 2914, 3123.
11. GAPO, f. 5, op. 1, d. 2434, l. 7.
12. GAPO, f. 6, op. 1, d. 2411, l. 4.
13. GAPO, f. 5, op. 1, d. 2434, l. 7.
14. GAPO, f. 6, op. 1, d. 3004,
15. GAPO, f. 6, op. 1, d. 3005.
16. Ivanov, VA 2012, 'Level of material support local officials in Russia in the middle of the XIX century. (experience of statistical analysis)', *Power*, no. 8.
17. Zayonchkovsky, PA 1978, *Government apparatus autocratic Russia in the XIX century*, Moscow.